

ПЕРЕВОД КАК ДИАЛОГ

Irina Gluchowa

Всемерно поддерживать диалог...¹
Ханс-Георг Гадамер

Диалог с автором у меня начинается гораздо раньше, чем, собственно, перевод. Иногда это живая встреча, иногда – встреча воображаемая, когда строчки из текста вдруг оборачиваются личным переживанием, чем-то, на что хочется откликнуться, возразить или переспросить. Когда автора рядом нет, а переживания переполняют, я начинаю искать кого-то, с кем хотелось бы поделиться прочитанным. Кому я могла бы сказать: «Слушай, посмотри какая классная мысль! Это же как точно схвачено, это же работает!» Или: «Я тоже так всегда думала, только не могла так хорошо это сформулировать...» Этот «кто-то» ближний, к кому я обращаюсь, далеко не всегда знает и понимает немецкий или английский, но я верю, что он отзовется на поразившую меня мысль, если мне удастся выразить ее по-русски.

И тогда я пытаюсь «сказать почти то же самое»² на своем родном языке. Так начинается и продолжается диалог... Так чей-то текст превращается в мой. Когда это получается, то сам процесс перевода завораживает меня, кажется какой-то магией, которая как будто и не от меня самой зависит, не мною управляется. Когда не получается и приходится долго искать нужное слово, снова и снова отбрасывая все неподходящие, я проклиная тот час, когда взялась за эту невозможную работу, и чувствую себя сороконожкой, которая разучилась ходить...

© Max Korostelyov

То есть фактически перевод – это два диалога, которые именно во мне – как переводчике – постоянно переплетаются: один диалог с автором, далеким или давно ушедшим, второй – с читателем, который будет знакомиться с этим автором через мой текст. И который, выстраивая свой собственный диалог с автором, будет адресовать свое понимание и непонимание, радость и недовольство, вопросы и возражения именно этому моему тексту. В этом диалоге читателя с автором я остаюсь незаметным посредником и – в этом один из парадоксов перевода – тем менее заметным, чем лучше я сделала свою работу.

Тексты, которые я выбираю для перевода, – это тексты, так или иначе связанные с моим главным интересом – экзистенциальной философией и экзистенциальной психотерапией: Мартин Хайдеггер и Ханс-Георг Гадамер, Людвиг Бинсвангер и Алиса Хольцхей-Кунц, Эмми ван Дорзен и Эрнесто Спинелли.

Для меня и сам процесс экзистенциальной терапии – это тоже особый диалог, диалог человека с самим собой, в котором я как психотерапевт становлюсь переводчиком. И это тот перевод, о котором немецкий философ Фридрих Шлейермахер, переводивший Платона и написавший замечательный текст о теории перевода³, говорил как про «необходимость перевода внутри одного языка или наречия...».

Поэтому, когда я думаю о диалогах, которые включены в мою психотерапевтическую практику, это не только диалоги с клиентами об их жизни и их трудностях, но и диалоги с переводимыми мной авторами, которые – как тоже люди, вброшенные в ту же неустойчивую лодку под названием жизнь, – не только по-своему эту жизнь понимают и справляются с ее вызовами, но и пытаются осмыслить свои переживания, поделиться своим опытом с другими.

Я «расспрашиваю» Хайдеггера о тонкостях различий даэзин-анализа и даэзин-аналитики, а Бинсвангера – о его знаменитых пациентах и дружбе с Фрейдом, продолжавшейся многие годы несмотря на теоретические разногласия. С Алисой

Хольцхей-Кунц, по-новому открывшей для меня и тексты Хайдеггера, и клинические описания Бинсвангера, мы лично знакомы более десяти лет. Я переводила ее семинары и выступления на конференциях в Литве, в России и в Беларуси. Диалог с ней об «особой чуткости» к онтологическим включениям в онтические события, о бытии «философом поневоле» и о страдании из-за этого бытия не только помог мне перевести ее книгу «*Leiden am Dasein*»⁴, но и кардинально изменил мою собственную психотерапевтическую практику. Ее новая книга «*Emotionale Wahrheit. Der philosophische Gehalt emotionaler Erfahrungen*» лежит сейчас на моем рабочем столе, диалог-перевод – продолжается. Название книги вызывает столько вопросов, что уже само по себе становится приглашением к диалогу. Как так оказалось, что эмоции, являющиеся носителями и выразителями той правды нашего бытия, которая никакой рационализации не поддается и сообщается нам лишь посредством чувственного переживания, стали – и на протяжении долгого времени продолжали – восприниматься как что-то нелогичное и искажающее коммуникацию, как что-то мешающее не только рациональному мышлению, но и тому, что принято считать «нормальной» жизнью и «нормальным» общением?! И как это можно развернуть в обратную сторону, вернуть эмоции ее важный смысл экзистенциального сообщения? Эта книга уже переведена на английский и греческий, и мне бы очень хотелось, чтобы на русском она стала открытием не только для профессионалов.

На семинаре современного британского психотерапевта Эрнесто Спинелли в литовском городке Бирштонас на берегу Немана я впервые оказалась почти двадцать лет назад. Тогда его новая – небольшая по формату – книга «*The Mirror and the Hammer: Challenging Orthodoxies in Psychotherapeutic Thought*»⁵ только вышла из печати. Она состоит из десяти глав, каждая из которых – диалог о превратностях современной экзистенциальной терапии и трудностях профессии психотерапевта. В каждой главе под вопрос ставится очередной ортодоксальный тезис психотерапевтической практики – о социальной роли психотерапии и терапевтическом сеттинге, о теориях идентичности и банальности зла, о смысле бессознательного и о бессознательном в творчестве. Автор предлагает психотерапевтам выйти из своей удобной и безопасной позиции «зеркального» отражения слов и переживаний клиента, разбить это зеркало молотком и сделать «несколько шагов в сторону более человеческой психотерапии», что, по сути, означает начать диалог с клиентом, находясь рядом с ним, а не на пьедестале своего терапевтического статуса. Сейчас я перевожу его последнюю книгу⁶ – как мне кажется, настоящий учебник для экзистенциальных терапевтов, помогающий им найти в себе мужество продолжать этот диалог и практиковаться в нем.

© Max Korostelyov

Все эти диалоги привели меня к размышлениям о переводе как диалоге и диалоге как переводе – как одно встроено в другое, как вообще возникает этот перевод-диалог или почему не возникает? Из чего он складывается, как в себя вовлекает и чем мотивируется в своем прихотливом движении? Как превращается в способ коммуникации, в способ передачи всего – текста, переживаний, знаний, сомнений? Если все опирается на этот своеобразный диалог, то как рассмотреть его в отдельности? Сам по себе?

Без помощи философов не обойтись.

Один из моих любимых – Фридрих Шлейермахер, которого я уже цитировала выше и чьи размышления о переводе так перекликаются с моими, что мне иногда кажется, что я и с ним давно в диалоге. Мне нравится его идея о двух возможных способах перевода: один – это когда я перевожу как можно ближе к тексту оригинала, оставаясь верна слову и букве автора настолько, насколько это только возможно при переходе с одного языка на другой. Шлейермахер говорит об этом как о стремлении «оставить автора в покое» в том месте, где он есть, и «привести к нему читателя», то есть побудить последнего сделать усилие, вникнуть в кажущийся странным и непривычным текст. И хотя текст в этом случае порой будет выглядеть слегка иностранным, усилие читателя будет не напрасным. Другой способ перевода исходит из желания сделать процесс чтения более комфортным и состоит в попытке «привести автора к читателю», то есть пересказать текст на том языке, который для читателя будет практически не отличим от родного. Вот примерно так, как я сейчас пересказала Шлейермахера. Если же Вам интересен академический вариант перевода, то его легко найти⁷. При этом ни в одной по всем академическим правилам оформленной ссылке мне не удалось найти имени переводчика, чтобы спросить у него, какой из двух способов был использован им самим: текст неспешен и витиеват, как будто за окном по-прежнему XIX век, но многие повторения, уточнения и длинноты опущены – явно для простоты понимания современными читателями. При этом Шлейермахер утверждал, что два описанных им способа перевода ни в коем

случае не следует смешивать, поскольку тогда автор и читатель рискуют никогда не встретиться.

А если я как психотерапевт помогаю пришедшему ко мне человеку встретиться с самим собой? Нужно ли мне постараться и пересказать ему его переживания так, чтобы они стали для него вполне понятными и объяснились чем-то привычным и знакомым? Или, наоборот, заставить его напрячься и увидеть что-то новое и незнакомое – то, что вижу я, но что для него – совершенная абракадабра? И можно ли соединить и то, и другое? Хотела бы я спросить об этом у Шлейермахера...

И еще – поговорить с ним об идее герменевтического круга, которую философ, будучи человеком верующим, сформулировал примерно так: «Дух, пронизывая текст как целое, оставляет свой след на его отдельных частях. Части должны быть поняты на основе целого, а целое должно быть понято как внутренняя гармония частей». Если смотреть на герменевтику как на практику понимания и истолкования текстов, то перевод как раз и оказывается такой герменевтической практикой: от общего представления о тексте – к названию и оглавлению, потом, уже с новым представлением о целом – к отдельным главам, у каждой из которых свое название и связанные друг с другом параграфы и абзацы. Как часто, выбрав вначале какой-то один из вариантов перевода слова, значение которого может быть разным в зависимости от контекста, я после нескольких страниц – оглядываясь на текст в целом – понимаю, что нужно все переделывать. Смысл целого меняет смысл отдельного слова, и наоборот. И очень часто хочется спросить у автора, что же он имел в виду, над чем размышлял в этот период своей жизни, на какой свой вопрос искал ответ, кому адресовал свой текст, с кем вел диалог?

А если вернуться к психотерапии, то ведь как текст можно рассматривать любую проблемную ситуацию, любую историю отношений, да и человеческую жизнь в целом. И в терапевтическом диалоге свершается герменевтический круг – при прояснении отдельных моментов четче становятся смыслы целого, а при обнаружении нового смысла целого – меняется восприятие частных. Поэтому не бывает депрессии или кризиса вообще, это всегда уникальная жизненная история и уникальные актуальные обстоятельства.

О герменевтических парадоксах как таковых – а значит, и перевода, и терапевтического диалога тоже – пишет еще один любимый мною философ – Ханс-Георг Гадамер, чьи слова вынесены в эпиграф к этому тексту. Даты его жизни впечатляют и ошеломляют: 1900–2002. Сто два года, вместившие в себя весь XX век. Будучи молодым человеком, Гадамер слушал лекции Гуссерля и Хайдеггера, до 1979 читал лекции в университетах США, а в 2000 году еще успел стать почетным доктором МГУ. В августе 2001 он в последний раз принимал участие в симпозиуме по герменевтике, который организовали его американские студенты. Статьи, написанные им во время войны, ему не пришлось спешно корректировать после поражения нацизма, а лекции по философии на телевидении в конце 90-х отличались ясностью мысли и четкостью изложения.

Гадамер говорит о парадоксальной неоднозначности слов, которые мы осознанно или не осознанно выбираем из множества возможных для того, чтобы выразить свою мысль. Мы можем подбирать слова долго и тщательно или, наоборот, небрежно и не задумываясь использовать первые пришедшие на ум – в любом

случае каждое слово неизбежно остается неоднозначным. Даже при самом удачном варианте тот наличный смысл, который мы будем пытаться придать слову в конкретном речевом выражении, будет лишь одной из его граней, и нет никакой гарантии, что для слушающего смысл слова будет в точности таким же, как и для говорящего. Каждый участник диалога будет понимать сказанное – и услышанное, что может оказаться не одним и тем же – исходя из собственной экзистенциальной ситуации.

Поскольку любое высказывание мотивировано, одно и то же сочетание слов в зависимости от контекста и интонации может быть утверждением и вопросом, мольбой и приказом, просьбой и проклятием. Это Станиславский, кажется, просил актеров на репетиции передать сорок разных сообщений с помощью одного-единственного слова «пожар». И если мы ищем ответ на вопрос, например, то нам нужно не просто воспринять его словесную форму и смысловое содержание, но и понять мотивационную основу: откуда, из какого контекста, с какой целью нас спрашивают.

В социальной коммуникации мы часто задаем вопросы и отвечаем автоматически, не задумываясь, ибо научены говорить и отвечать «правильно», заранее зная, что именно от нас ожидают. Так называемый *small talk* с традиционным «Как поживаете?» вовсе не предполагает необходимости вслушиваться в ответ. Здесь слова часто не играют никакой роли – важны, скорее, интонация и выражение лица.

В психотерапии тоже так происходит: я улавливаю смысл сказанного, не только вслушиваясь в слова, но и по дыханию, темпу речи, паузам, громкости и тональности. В текстах, которые я перевожу, такой возможности нет. Я могу лишь домысливать, догадываться, вылавливать смысл отдельного слова из целого контекста. А у автора всегда есть возможность спрятать этот смысл за иронией, шуткой, цитатой, сообщить самое важное вскользь, косвенно, между прочим.

Отсылая нас к Гуссерлю, показавшему, что значение слова не тождественно образам, возникающим у нас в голове в момент, когда мы это слово произносим, Гадамер пишет: «Die innere Rede ist nicht die Vorlage für die geäußerte Rede, sondern das Ganze ist ein Prozeß von eigener und geheimnisvoller Struktur».⁸

Иначе говоря, слово, которое говорится или слышится, не ставится на определенное место в высказывании, как элемент пазла в целостную картинку, оно рождается в момент говорения в результате констелляции множества факторов, связанных как с личностями говорящего и слушающего, так и с темой, обстоятельствами, условиями и предысторией разговора. В основе смысла отдельного слова всегда лежит целая система слов – и тех, которые уже были сказаны, и тех, которые будут, и тех, которые остались невыбранными, произнесенными, но – вполне возможно – подразумеваемыми.

Изначальная неоднозначность любого слова – это и бесконечный спектр возможностей между «сказать» и «утаить», и постоянная опасность ошибиться в выборе слова, сказать не то и не так, быть неправильно понятым. Эта опасность становится практически зримой в терапевтическом диалоге, когда слово, призванное для того, чтобы стать лечебным и целительным, невольно оказывается царапающим, ранящим, задевающим какие-то другие, не лежащие

на поверхности смысла. Тогда диалог может соскользнуть в говорение на разных языках, в непонимание и отчужденность. И нужно делать усилие, искать другие слова, которые вернут два отдельных говорения в общее пространство диалога...

Способность слов – вопреки определенности своих словарных значений – быть неоднозначными превращает перевод с одного языка на другой в совершенно невозможное предприятие. Гадамер пишет: «Настоящее бедствие перевода в том, что единство замысла, заключенное в предложении, невозможно передать путем простой замены его членов соответствующими членами предложения другого языка, и переведенные книги представляют собой обычно настоящие чудища, это набор букв, из которых вынули дух. Уникальное свойство языка, утрачиваемое в переводе, состоит в том, что любое слово в нем порождает другое, каждое слово в языке, так сказать, пробуждается другим, вызывая к жизни новые слова...»⁹.

Тот, кому хоть раз приходилось погрузиться в этот процесс и застрять в бесконечном перелистывании словарей в мучительных поисках нужного смыслового оттенка слова, на первый взгляд простого и понятного, хорошо знает, о чем говорил Гадамер.

Текст о переводе и диалоге будет не полным, если не вспомнить еще одного философа – француза Поля Рикёра, которого часто называют философом диалога. В 1999 году французский журнал «*Esprit*» опубликовал лекцию, прочитанную философом на факультете протестантской теологии в Париже и называвшуюся «*Парадигма перевода*»¹⁰. В ней Рикёр говорит о том, что хотя и «можно говорить о переводе в узком смысле слова и понимать под этим переложение словесного сообщения с одного языка на другой», но «в широком смысле перевод может стать синонимом попытки осмысления и толкования текста в рамках одного и того же родного языка». Для меня это – про мои переводы-диалоги: и терапевтические, и философские, и социальные, и учебно-коммуникативные. И хотя на первый взгляд кажется парадоксальным, что столь широко распространенные переводы с одного языка на другой, без которых невозможны современные социальные практики, для философа – перевод «в узком смысле слова», а понимание и интерпретации текста в рамках родного языка – перевод «в широком смысле», на самом деле противоречия нет. Именно потребность понять и перенять для себя что-то новое, поначалу далекое, непонятное или неизвестное, расширяя тем самым пространство своего, движет диалог – не важно, состоится ли он в рамках одного языка или перешагнет межъязыковой разрыв.

Рикёр исходит из того, что «любая мысль может быть выражена разными способами», каждым из нас – по-своему, а потому «взаимное непонимание между людьми является нормой». Многозначность слов и неповторимость контекста приводят к, казалось бы, совершенно логическому выводу: «перевод теоретически невозможен».

© Max Korostelyov

Однако жизнь показывает, что «перевод существовал всегда», а первыми – пока еще не профессиональными – переводчиками были те, кому нужно было вести диалоги с чужеземцами: путешественники и купцы, послы и шпионы. Из чего можно сделать два вывода: во-первых, что любой человек способен овладеть иностранным языком, а во-вторых, что «раз перевод существует, то он все же выполним».

Рикёр пишет: «Все же поразителен тот факт, что, несмотря на все разнообразие человечества и языков, на которых оно говорит, перевод с языка на язык всегда возможен. Кроме того, не накопив своего собственного опыта вхождения в иностранный язык, разве могли бы мы увидеть свой родной язык глазами иностранца?»

Уверена, что без опыта перевода текстов и моих диалогов с их авторами мой опыт работы психотерапевтом был бы беднее и скучнее. Благодаря пересечению и взаимной встроенности их друг в друга я учусь видеть за каждым текстом живых людей, которых хочется понять, а за каждой жизненной ситуацией – текст на иностранном языке, который хочется перевести.

Endnoten

- 1 Цитата взята из введения, написанного Х.-Г. Гадамером специально для сборника его статей, переведенных на русский и изданных под общим названием «Актуальность прекрасного»: Гадамер Г.-Г. *Актуальность прекрасного*. М.: Искусство, 1991.
- 2 Umberto Eco: *Dire Quasi la Stessa Cosa. Esperienze di Traduzione*, Milano: Bompiani 2003.
- 3 Friedrich Schleiermacher: *Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens*. Diese Abhandlung verlas Schleiermacher am 24. Juni 1813 in der Königlichen Akademie der Wissenschaften, Berlin. Scan des Textes aus: *Das Problem des Übersetzens*, Hg. von Hans Joachim Störig, Stuttgart: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1963. Onlineversion.
- 4 Alisa Holzhey-Kunz: *Leiden am Dasein. Die Daseinsanalyse und die Aufgabe einer Hermeneutik psychopathologischer Phänomene*, Wien: Passagen Verlag, 2001.

- 5 Ernesto Spinelli: *The Mirror and the Hammer: Challenging Orthodoxies in Psychotherapeutic Thought*, SAGE Publications 2002.
- 6 Ernesto Spinelli: *Practising Existential Therapy: The Relational World*. Second Edition. SAGE Publications 2014.
- 7 Шлейермахер Ф. *О разных методах перевода*. Лекция, прочитанная 24 июня 1813 г. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2000. № 2. С. 127–145 (www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/Schleiermacher.doc).
- 8 Gadamer H-G. *Zur Phänomenologie von Ritual und Sprache // Auf dem Wege zur hermeneutischen Philosophie*. S. 418.
- 9 Цитировано по изданию: Гадамер Г.-Г. *Актуальность прекрасного*. М.: Искусство, 1991. С. 59. Пер. В. С. Малахов, сверен В. В. Бибихиным. Перевод сделан по изданию: Gadamer H. G. *Gesammelte Werke*. Bd. 2. Tübingen, 1986. S. 184–198.
- 10 http://www.odinblago.ru/filosofiya/riker/paradigma_perevoda/
<https://esprit.presse.fr/article/ricoeur-paul/le-paradigme-de-la-traduction-9626>

Ирина Глухова (Минск) – дипломированный психолог и магистр философии, практикующий экзистенциальный терапевт и дизайн-аналитик. С сентября 2021г. – Президент Восточно-Европейской Ассоциации Экзистенциальной Терапии (зарегистрирована в Литве) и преподаватель Института экзистенциальной и гуманистической психологии (Бирштонас). Переводит с английского и немецкого. В числе переводов – Цолликоновские семинары М.Хайдеггера и книги таких известных современных психотерапевтов как А. Хольцгей-Кунц, Э. Спинелли и Э. ван Дерзен. В настоящее время живет и работает в Барселоне

Dies ist ein automatisch generiertes PDF der Webseite www.toledo-programm.de. TOLEDO ist ein Programm des Deutschen Übersetzerfonds.

https://www.toledo-programm.de/cities_of_translators/5071/n-a

Stand: 30.04.2024

Alle Rechte vorbehalten.